

Анастасия
Абрамова-Корсагина

«У меня
в кармане
дождик...»

Новогодний сборник

6+

Анастасия Абрамова-Корчагина
У меня в кармане дождик...
Новогодний сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67039245

SelfPub; 2022

Аннотация

Новый год и Рождество – особое время, лирическое и наполненное предвосхищением. И это настроение сопутствует празднику уже много лет... Этот сборник приглашает читателя в поэтическое путешествие во времени, никаких фактов и явлений, лишь дух радости и ожидания чуда...

Содержание

Авиатор	5
Снегопад	7
Утро	9
Пожелание	12
«Женская квартира» (Из серии «Истории уютного двора»)	14
Особое время	25
Скоро...	28
Ёлка	30

Анастасия Абрамова- Корчагина

У меня в кармане дождик... Новогодний сборник

У меня в кармане дождик,
Серебристый, новогодний...
Я раскрашу паровозик,
Чтоб вложить в твои ладони.

Милый мой, не сомневайся,
Что любовь разлуку лечит.
Поскорее возвращайся –
Я зажгла на ёлке свечи...

Авиатор

Тишину рождественского неба
Опоясал лентой самолёт.
Ты придёшь к семейному обеду.
Завершив обыденный полёт.

На столе варенье и цукаты,
Фрукты и мочёная ирга.
Ты пойми, мой славный авиатор:
Небо – бесконечная игра.

В декабре и на земле красиво –
Тихий праздник скроет суету.
Между рейсов в кратком перерыве
Загляни в родимую семью.

Я не соревнуюсь с небесами
И не собираюсь упрекать.
Вечер, пересыпанный огнями.
Будешь вместе с нами коротать.

Заискрится сказкою сочельник,
Улыбнётся маленькая дочь...
Мой летучий труженик-бездельник.

Если хочешь жёнушке помочь,

Привези из заоконной дали
Сладких марципановых чудес.
И своими синими глазами
Убеди – нет жизни без небес!

Снегопад

Этой ночью пьяный снег кружился в танго...
В нерешительности замерли авто...
Я застыла посреди аллеи парка,
И седело моё новое манто.

Поднимая взор в иссиние-звонкий купол,
Я губами приобщалась к тишине –
Я рождалась в эту новую минуту,
Как рождался обелённый мир во тьме.

Вдруг померкли марципановые сказки
И лакричные рождественские сны...
Без остатка растворясь средь белой паствы,
Я молилась без упрёков и тоски.

Где-то там блистали пёстрые гирлянды,
И на елях возрождалась звезда,
Но вокруг меня лишь снежные атланты
Не давали пышно рухнуть небесам.

Я дышала шепотком ночных снежинок,
Я влюблялась с каждым вздохом в глубину.
Среди сотни заметеленных тропинок

Безошибочно я выбрала свою.

Старый дом дремал, усталый и нарядный.

Завтра будут гости, танцы, суета...

Тает снег – манто пропало безвозвратно,

Но ликует обелённая душа!

Утро

Я проснулась утром с ощущением праздника. Дом дремал в преддверии вечерней суеты. За окном театрально падали хлопья снега. Встала бонна. Она посмотрела на спящую сестру, а потом на меня и, заметив, что я проснулась, улыбнулась.

– Ещё рано, – мягко сказала она.

Я натянула одеяло на голову и засмеялась.

– Ну раз проснулась – иди умываться. А сестру пока не буди!

Из-под ватного плена я услышала затихающие шаги. Было приятно просто лежать в кровати и никуда не торопиться.

– Ура-а-а! – раздался дикий крик над самым ухом.

От неожиданности я завопила и резко, взбрыкнув ногами, откинула одеяло, которое вмиг накрыло сестру. Верно, пока я пряталась, она проснулась, подкралась ко мне и, наклонившись к изголовью моей кровати, решила меня напугать. Вот только она была не готова к такому отпору. Под тяжестью одеяла сестра осела на пол и звонко расхохоталась.

– Ура-а-а! – воскликнула я и, попрыгав для разгона на кровати, навалилась на пытающуюся освободиться сестру.

На шум нашей «кучи-малы» прибежала бонна. Она пристыдила нас и opravила умываться.

Через полчаса мы, чистые и причёсанные, сидели за столом. Мама озабоченно хмурилась и выговаривала служанке

за нерасторопность. Конечно, она переживала, ведь сколько всего надо успеть сегодня до прихода гостей! А мы с сестрой болтали под столом ногами и тянулись за третьим куском пирога.

Хорошо быть детьми!

Хорошо сидеть за столом и пить горячий шоколад.

А впереди ещё целый день веселья! Мы пойдём гулять, чтоб не мешать взрослым, а когда вернёмся, дом уже окончательно проснётся и принарядится к светлому празднику Рождества.

И придут гости. И вспыхнут свечи на огромной ёлке. И заиграет пианино. И поманит ароматами праздничный стол...

Но пока ещё утро. Тихое, радостное, беззаботное утро Сочельника.

Пройдёт много лет, и мы вспомним о том,

Как шумно искали подарки!..

А бонна сердилась: разбудим весь дом –

Ах, что у княжон за повадки!

Мы громко смеялись, ныряя под ель,

Среди разноцветных коробок,

За обе щеки заложив карамель,

Мы верили в чудо, как в Бога.

Две куклы, две шляпки, один ридикюль

И ласковый плюшевый мишка...

А бонна сказала – наступит июль,

И мама подарит братишку!

А вечером ждёт нас гостей хоровод...

Папа́ даст попробовать пунша...

И встретим мы Новый – семнадцатый – год!

Он будет, конечно же, лучшим!!!

Пожелание

Что ж, дед Мороз, лови посланье!
Я прокричу в ночную темень
То, что отчаянно желаю –
И первым пунктом будет: «Время!»
Для суеты и для блаженства,
Для разговоров полуночных,
Для рукописей безызвестных,
Для шалостей и многоточий...

Ещё хотела б силы воли...
Но ты уже принёс сторицей –
И вот сживаюсь с вечной ролью
Смирителя чужих амбиций!
Терпения и мне, и детям.
А лень гони! Она не к месту.
И шанс на праздничном обеде
Собратся вновь с родными вместе.

Но то не завернуть в обёртку.
Ну, хорошо, давай, как надо!
Хочу найти под пышной ёлкой
Чай и тонну шоколада.
Ещё бы крема Аззелло,

Чтоб молодеть от каждой банки!
Для ванны – соль, масла и пену,
И всевозможные добавки.
Предметы утвари?.. Пожалуй!
Люблю готовить на досуге.
Да и нарядами порадуй –
Не всё же думать о посуде!

А, впрочем, вздор! Хочу здоровья
Себе, семье и людям близким!!!

.....

Я положу у изголовья
Свою наивную записку...

«Женская квартира» (Из серии «Истории уютного двора»)

– Почему в этом доме всё всегда теряется? Это не квартира, а бардак! – привычно кричала Юлия Глебовна, перерывая содержимое секретера.

– В бардаке-то как раз был порядок! – припечатывала Лидия Сергеевна, мама Юлии, намекая на иное значение слова.

Из комнаты выглядывала любознательная Светланка и, надеясь хоть в этот раз понять взрослый ребус, вновь уточняла:

– Так что там с бардаком?

– Ничего!!! – хором отвечали мать и бабушка, потому что десятилетней девочке было рано знать про публичные дома и мир полусвета, и уже вместе продолжали искать ключи, или записную книжку, или часики, или брошь, или что-то ещё, внезапно ставшим необходимым сегодняшним утром.

– Неужели нельзя всё собирать с вечера? – привычно ворчала Лидия Сергеевна. – А лучше – класть на место!

– Я и положила на место! – протестовала её дочь.

Она была взрослой женщиной и уже даже красила волосы, чтобы скрыть раннюю седину, однако всякий раз оправдывалась перед матерью, словно пятнадцатилетняя.

Конечно, вещи находились. И, конечно, не на своих ме-

стах. И, естественно, в итоге, после всех нервных поисков и препирательств, доставалось Светланке, потому что она, пользуясь неразберихой, всякий раз надеялась, что про неё и про её школу забудут. Но куда там! Взмокшая, взвинченная и опаздывающая мама, путаясь в плаще или в пальто, выскакивала из квартиры, а расстроенная бабушка, пунцовея лицом в тон волосам (ох, уж этот краситель «Красное дерево» да на седых буклях!), выставляла внучку за дверь безо всяких разговоров.

«Женская квартира» (как называли её обитатели *ского тупика) затихала: Светлана брела на собственную Голгофу, а Лидия Сергеевна забегала к соседке напротив, чтобы подуспокоиться.

Соседка – Изольда Кузьминична недавно вышла на пенсию и пока только осваивалась в новом статусе, и Лидия Сергеевна решила стать её проводником в мире свободного времени и нехитрых пенсионерских развлечений.

– Вот тебе хорошо, Кузьминична, детей-то у тебя нет – и забот, соответственно, никаких! – с завистью восклицала соседка, когда её утро выдавалось особенно хлопотливым.

Изольда морщилась от этой бесцеремонности, с какой Лидия врывается в её уютную квартирку, от напоминая о её бездетности, но пуще – от амикошонства, отсекающего её имя. Что за манера – величать по отчеству? Да, она немного недолюбливала странность сочетания своего вычурного имени и немудрящего отчества, но за годы службы бухгалтером она

привыкла к этому созвучию, равно как и к уважению.

Лидия Сергеевна же ничего не замечала и продолжала хвалить мудрую соседку, отгородившуюся от жизненных неприятностей в лице непутёвых родственников.

– Вот ты мне скажи, – говорила она, выпивая третью чашку чая и доедая восьмую баранку, – неужели им так сложно прислушаться к старшему поколению? Ведь я же им добра желаю! Я же ещё тогда говорила – не связывайся с ним. Ну, какой из него муженёк? Как в воду глядела – через год смылся! Все они одинаковые! И мой такой же прохиндей был. И Светланка найдёт себе обалдую – вот увидишь.

– Куда Светланке-то? – закашливалась всякий раз Изольда Кузьминична от такого пророчества, ведь девочка только перешла в пятый класс.

– Помяни моё слово! Свистулька растёт – вся в мать! – припечатывала соседка и убегала в своё бабское царство готовить обед, а Изольда принимала цитрамон от головной боли и садилась за документы – её бухгалтерские навыки всё ещё ценились знакомыми.

Порой к Изольде Кузьминичне забегала Юлия – отдохнуть от вездесущей матери. Она неизменно отказывалась от чая, топталась в дверях, невнятно жаловалась на докучливую опеку и, не требуя совета, прощалась.

Вечерами, когда споры матери и бабушки становились особенно жаркими, к «тёте Лизе» украдкой сбегала Светланка. Они вместе смотрели приключенческие фильмы и пере-

живали за героев.

– Эх, жаль, что в жизни всё не так! – мудро вздыхала девочка.

Изольда вспоминала свои потери и не переубеждала юную гостью.

Однажды, когда в центре последнего двора *ского тупика уже водрузили небольшую, но ладную и очень пушистую ёлку, и она так сочно зеленела последи белёсого снега, что не только дети, но и взрослые по вечерам задерживались рядом с ней и, забыв про тёплый дом, вдыхали смоляной аромат или рылись в карманах, чтобы отыскать фантик и приладить на колючую лапу нечто наподобие игрушки, в один такой вечер, когда у всех встреченных в подъезде соседей из авосек выпирают оранжевыми боками мандарины, когда в воздухе стоит запах праздника и беззаботного счастья, когда улыбки искреннее и шире, в дверь Изольды Кузьминичны робко и как-то тоскливо постучали. Хозяйка, в пёстреньком халате и переднике, с припылёнными мукой руками, открыла незваному гостю и оторопела – на пороге стояла Светланка, и лица на ней, как говориться, не было.

– Господи! – всплеснула руками Изольда, образуя мучное облачко. – Что случилось?

– Три в четверти по математике! – трагическим голосом произнесла девочка и, кивнув в сторону своей двери, авторитетно объявила: – Убыют.

– Ну, как же так? – сказала тётя Лиза (именно так называли Изольду все дети во дворе) и впустила Светланку. – Эх ты! Математика – царица наук.

– Вот и бабушка так говорит, – понутив голову, прошептала школьница и без спросу присела на оттоманку, чего раньше никогда себе не позволяла.

– Ну, и что же теперь делать? Ты, я так понимаю, пришла просить политического убежища? Я-то не прогоню, но ведь про тебя же не забудут. Ну, час ты выиграешь, ну, два... А потом что? Сколько ты тут не просиди, а домой всё равно идти придётся. Да и гости у меня сегодня...

– Да мне бы только до мамы отсидеться – она заказ с работы сегодня должна принести. Бабушка как колбасу да консервы увидит, так про всё и забудет!

– И про конец четверти? – усмехнулась тётя Лиза.

– Про всё! – уверенно ответила Светланка. – А то что гости у вас, так я же наоборот – помочь могу с готовкой или с уборкой!

– Сиди уж, помощница – я и сама у правлюсь, – рассмеялась соседка. – Вот лучше пошли «Мушкетёров» смотреть. Только вторая серия началась – я специально стол в комнату принесла, чтоб пельмени под кино лепить.

– Пельмени! – радостно взвизгнула Светланка. – Я, знаете, какие пельмени красивишные леплю!

– Ну, если «красивишные», – подмигнула тётя Лиза, – тогда пошли.

Они и не заметили, как под приключения Боярского с со-товарищами налепили пять подносов пельменей. Отправив из на балкон, Изольда взглянула на часы и ойкнула:

– Сколько времени уже!

– Мне пора? – догадалась Светлана.

– Теперь уж нет, милая – будешь меня прикрывать. Я в душ мыться да наряжаться, а ты сиди и слушай – если позвонят в дверь, спроси, кто. Если Витя, то открой и скажи, что я сейчас выйду. А сама в комнату его веди. Да со стола вытри. Сможешь?

– Конечно! – уверенно ответила девочка, а сама удивилась, что у пенсионерок бывают такие друзья-мужчины, ради которых надо наряжаться.

Она вытерла со стола, подмела пол, расстелила скатерть – на кресле лежала подготовленная для вечера, и села ждать. В ванной шумела вода, слышался голос тёти Лизы, подгоняющей саму себя (видимо, одинокие люди привыкают разговаривать с собой вслух), потом вода стихла и зашумел фен. Ну а затем умолк и фен, но соседка всё ещё не выходила – возможно, красилась, как это делает мама каждое утро, хотя это, конечно, и было странно, потому что бабушка у Светланки ничем себя не украшала, если только не считать жутких красных волос.

И тут раздался звонок, и девочка помчалась в прихожую.

– Кто там? – спросила она.

– Своих не узнаёшь? – весело пробасили за дверью.

Светланка открыла дверь, хотя гость и не назвался. Она придирчиво осмотрела мужчину – он был нестарый, где-то ровесник мамы, но весь какой-то огромный, укутанный, заросший, словно лесник.

– Вы – Витя? – уточнила она.

У гостя брови полезли вверх – он ожидал увидеть на пороге другого человека.

– Ну, положим, для кого Витя, а для кого – Виктор Андреевич.

– Вы к тёте... – замялась девочка, – к Изольде Кузьминичне?

– К тёте, к тёте! – густо рассмеялся гость и вдруг насупил-ся: – Всё ли ладно с тёткой?

– Ладно! – замахала руками Светланка. – Вы проходите, она сейчас.

А тут уже и Изольда вышла навстречу – нарядная, в платье из бирюзового кримплена, с ниткой жемчуга на шее и с подведёнными глазами и губами. Светланка аж крикнула от удовольствия, а вот гость, видимо, эту красоту и не заметил – шагнул к Изольде да сгрёб её в охапку, обнимая.

– Теть Лиз! Как же я по тебе соскучился! Всё в разъездах. Но теперь баста – две недели у тебя буду! К моим далеко, а сюда в самый раз! Не помешаю?

– Что ты, Витенька! – счастливо ответила Изольда. – Мне,

бобылке, чем помешать можно? Наоборот – радость и развлечение!

– Ну уж и бобылка? – подмигнул мужчина, скидывая тулуп и смешные меховые сапоги. – Вон у тебя девчонка. В услужении, что ли? – захохотал гость собственной шутке.

– Соседка, – в унисон улыбнулась хозяйка.

Светланка, раскрыв рот, смотрела на тётки Лизиного племянника: таких широкоплечих, немного диких дяденек она видела только в телевизионных новостях или на страницах газет. Она вспомнила, как бабушка рассказывала, что у соседки трое старших братьев, среди которых есть и геологи – видимо, племянник пошёл по стопам отца. Как только Светланка предположила, что мужчина – геолог, то и сама поверила в это и даже удивилась, что сразу не поняла – свитер толстой вязки, дерюжные брюки, бородища на пол-лица и мозолистые руки – конечно, геолог!

– К столу! – приказала Изольда и, что странно, девочку не прогнала, хотя и обещала отправить домой, как гости придут.

А Светланке лишь того и надо было – что может быть чудеснее, чем сидеть напротив этого великана и слушать его байки с «партии». Настоящие, не экранные, приключения и опасности! Да это во сто раз, нет, в тысячу раз удивительнее, чем все кинофильмы!

Но рано или поздно всё хорошее заканчивается, как и кино. В дверь постучали – осторожно, но настойчиво.

– Изольда Кузьминична, Светланка не у вас? – послышался голос Юлии.

– У нас! – пробасил Виктор, распахивая дверь. – Сидит, заправляется пельмешками. И вас, красавица, за стол позовём.

Юлия Глебовна оторопела от такой бойкости – её никто не звал красавицей вот уже девять лет и никогда не приглашал к столу с таким обаятельным напором.

– Э-э-э, я не могу, у меня там мама... И колбаса...

– Какая? Умоляю, скажите, что сырокопчёная! Это ж моя любимая – два года её не ел!

Юлия вдруг зарделась и юркнула в свою квартиру, а мужчина и вышедшие в прихожую Изольда и Светланка так и остались на пороге своей, глядя в полумрак лестничной клетки.

– Чего это она? – удивился Виктор.

– За колбасой побежала, – пошутила цитатой из великого романа Изольда.

Светланка лишь пожала плечами – она не разделяла веселья соседки, потому что чуяла трёпку, и теперь не только за тройку. Она тяжело вздохнула, услышав из-за родной двери привычные споры, и с философской обречённостью уже была готова идти домой с повинной, как вдруг дверь вновь распахнулась и из неё пулей выскочила мама, убегая от несущихся вослед ей претензий и гордо держа в руке палку колбасы, будто добытый в бою трофей. Она ногой закрыла свою

дверь, прекращая прения. На её щеках горел румянец, а губы были покрашены новой польской помадой.

Все новогодние праздники и зимние каникулы весь *ский тупик от улицы Клары Цеткин до последнего двора гудел новостями – в «женской квартире», что в пятом доме, переполох – Юлия (та, что дочь Лидии Сергеевны и мама Светланки) закрутила роман с геологом! Приличный двор ещё никогда не слышал таких проклятий и предзнаменований, которые сыпала на головы несчастных влюбленных опытная старушка. Светлана, очарованная мужественным геологом, пыталась встать на сторону матери, за что была отлучена бабушкой от конфет и даже лишена новогоднего сладкого подарка. Изольда Кузьминична чуть не была послана в известном направлении, когда пришла вразумить соседку. На всех углах Лидия Сергеевна пророчествовала о женской глупости и мужской похоти.

К исходу двух недель страсти поутихли. Виктор отбыл. Лидия Сергеевна немного попочивала на лаврах Кассандры и успокоилась.

Через месяц Виктор вернулся и предложил Юлии расписаться. Ещё через два месяца «женская квартира» в пятом доме *ского тупика перестала существовать. Конечно, не совсем – где-то в Сибири всё так же живут вместе Лидия Сергеевна, Юлия Глебовна и Светлана, но теперь в их доме

слышится густой бас возвращающего из экспедиций Виктора Андреевича и беспрестанный лепет маленького Кузеньки.

Особое время

Настало время разливать глинтвейн
По толстостенным и пузатым чашкам,
Звать в гости самых преданных друзей,
Чтоб поиграть в стратегию иль шашки.
Настало время верить в чудеса,
Их сдабривая палочкой корицы,
И ждать, что будут щёдры небеса,
Создав из улиц снежные страницы,
На коих станем по утрам писать
Своих историй нотные заметки,
А вечерами будем отдыхать,
Смакуя день прошедший, как конфету.
Настало время завернуться в шарф
И выйти в снег на поиск апельсинов,
А также имбиря и пряных трав
И всё сложить в плетеную корзину.
А, возвратившись, перебраться в плед,
Зажечь свечу с дыханием лаванды
И, заменив глинтвейном свой обед,
Развесить новогодние гирлянды.

Вот бы мне украсить ёлку
Не шарами, а делами,
Чтобы мир, большой и звонкий,
Замерев у хрупкой грани,
Оглянулся, загордился,
По плечу похлопал нежно
И опять бежать пустился,
Завихряясь пылью снежной.

Краткий год – теперь всё уже
Путь от ёлки и до ёлки,
Всё слабей зимою стужи,
Всё мучительней прополки
Сизым летом, что не грея
Промелькнёт и не заметит...
Межсезонье... Дождь.... Мигрени...
И опять извечный ветер.

Но к шарам и мандаринам
Как не вспомнить достижения?
Детский смех в дорогах длинных,
Лоск предметных обновлений,
Вехи маленьких дорожек,

И карьерные высоты,
И любовь – смелей и строже –
К тем, кто рядом год за годом!

Сладость творчества безмерна,
Путь писательства отчетлив,
И отчаянная вера
Даже скептиков бессчётных!
Всё на ёлку среди игрушек
Я повешу как признание,
Что для взрослой и замужней
Есть в запасе взлёт и тайны!

Скоро...

Уже скоро посреди комнаты
Боковинки расправит стол,
И ёлка объятая колкими
Отвоюет себе престол.

Залучинят огни стоцветные,
Вслед за будничной суетой
Вдруг повеет надеждой светлою,
Мандариновой кутерьмой.

Будет шорох обёртки праздничной
Даже громче, чем фейерверк,
Будут дни в ожиданье сказочном
И скрипучий, пушистый снег.

Будет радость, простая, детская,
И шампанского пузырьки,
И наряды внезапно светские:
Блёстки, кружево, каблуки.

И семейные фото открытками,
И друзья – бессменный бомонд...
Уже скоро вспыхнет улыбками

Новогодний калейдоскоп!

Ёлка

Они говорили: «Серьёзно? Ёлка
Ещё разукрашена у тебя?
Пожалуй, ковёр и полы в иголках?
Одумайся! Ну же – конец января!»

Они говорили: «Играет детство
В твоих наивно-шалых глазах?
Ты думаешь от гирлянды согреться?
Забыться в дождике и шарах?»

Они говорили: «Снимай игрушки!
Они запылились, их блеск померк!»

.....
А я молчала. Ведь там – снаружи –
Стал тихо падать нарядный снег.